

Лариса Северикова

ТИМУР **и его небо**

*Воспоминания жены
легендарного летчика
морской авиации
Героя России
Тимура Апакидзе*

Лариса Северикова

Тимур и его небо

«Автор»

2009

Северикова Л. Л.

Тимур и его небо / Л. Л. Северикова — «Автор», 2009

Книга Ларисы Севериковой «Тимур и его небо» рассказывает о легендарном палубном летчике, Герое Российской Федерации генерал-майоре Тимуре Автандиловиче Апакидзе. Основатель современной палубной авиации, летчик-ас Тимур Апакидзе подготовил целую когорту корабельных летчиков и сохранил для своей страны последний авианосец «Адмирал Кузнецов». Эта книга – о любви и преданности, героизме и самопожертвовании, верности воинскому долгу и своей Родине.

© Северикова Л. Л., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Вечный полет Тимура	6
Тимур и его небо	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лариса Северикова

Тимур и его небо

Автор выражает искреннюю благодарность генеральному директору Лизинговой компании «УРАЛСИБ» Гуциной Елене Анатольевне за финансовую поддержку 2-го издания книги.

Также автор благодарит ОАО «КНААПО им. Ю.А. Гагарина» в лице генерального директора Пекарша Александра Ивановича и президента Ассоциации шепства над Северным флотом, губернатора Мурманской области Евдокимова Юрия Алексеевича, спонсировавших 1-е издание книги в 2007 г.

Особую признательность за помощь в работе над книгой автор выражает Виктору Никитину, Нине Севериковой, Эльвире Архипцовой, Сергею Байнетову, Кириллу Поспелову и Геннадию Рыжову.

В книге использованы фотографии П. Маслова, В. Друшлякова, Е. Гордона, Л. Якутина, А. Михеева, С. Балаклева, С. Петросяна, В. Никитина, а также из семейного архива автора книги.

Вечный полет Тимура

Уважаемый читатель!

Вы открыли книгу, посвященную памяти Героя Российской Федерации, заслуженного военного летчика России, заместителя командующего морской авиацией генерал-майора Апакидзе Тимура Автандиловича. Для нас же, его однокашников и сослуживцев, он, погибший в расцвете сил, навсегда остался просто Тимуром.

Древняя мудрость гласит: «Настоящий мужчина за свою жизнь должен родить сына, посадить дерево и построить дом». Тимур жил в соответствии с этой мудростью. В его семье выросли прекрасные дочь и сын. Его «деревья» – это лучшие палубные летчики морской авиации страны и дети, занимавшиеся каратэ под его руководством в гарнизонах, где он служил. Он не успел лишь построить свой дом – собственной квартиры у него не было...

К этому можно добавить, что настоящий мужчина должен написать книгу, и Тимур даже мечтал об этом. Но, к сожалению, обстоятельства были против того, чтобы под его пером родилась книга о морской авиации. Лишь через несколько лет после гибели Тимура его жена Лариса (Леся, как он ее называл) смогла превозмох боль утраты и подготовила рукопись о непростой судьбе своего мужа, палубного летчика.

Удивительная по ясности и манере изложения книга посвящена не только Тимур Апакидзе – Герою, а любимому, заботливому, кристально честному и благородному Человеку и Великому Учителю. Буквально все ее строки пронизаны любовью Тимура к своей семье. Он ясно понимал и не раз писал в своих письмах домой, что может всецело отдавать себя небу и своему делу только потому, что постоянно чувствует поддержку и понимание со стороны близких людей. Его отношение к ним в течение всей 20-летней семейной жизни отличалось исключительной добротой, искренностью, чистосердечием и теплотой. Опираясь на семью, Тимур жил и для других, и ради других, он совершенно не умел щадить себя.

Эта книга – о необыкновенном счастье морского палубного летчика, посвятившего свою жизнь любимому делу, и о простом человеческом счастье мужа, отца и сына. Работая над ней, Лариса как бы заново пережила жизнь с дорогим ее сердцу человеком.

Тимур ушел навсегда – к тем летчикам, которые остались в небе раньше его. Помогая, чем мог, их семьям, он, как никто другой, видел и понимал их горе, учил выстоять в беде. Научил этому и свою семью...

Говорить и писать о Тимуре – значит сказать о многом. О его чести офицера и достоинстве гражданина, раз и навсегда присягнувшего своей Родине. Его воле, невероятной смелости и граничащей с риском отваге, доброте и ранимости, его большом любящем сердце и, в конце концов, о его величайшем профессионализме. Морские летчики всего мира по праву признали Тимура Апакидзе асом воздушного океана.

Слово и дело Тимура составляли неразрывное целое. Из озорного мальчишки он превратился в целеустремленного юношу-нахимовца, а затем стал выдающимся летчиком и настоящим Героем. Вся его жизнь состояла из каждодневного подвига ради могущества страны и морской авиации. Настоящим подвигом Тимура можно по праву назвать спасение истребительной палубной авиации России и последнего авианосца «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов» от полного уничтожения. Он совершил первую среди военных летчиков посадку на палубу авианосца (таких посадок у него было потом рекордное число – 283!). Рекордным среди летчиков-истребителей был и его налет – более 5 тысяч часов. И главное: Тимур подготовил и воспитал в своем духе целую когорту морских летчиков-палубников.

Он возглавил 100-й корабельный истребительный авиационный полк в Саках (Крым) – этот летный коллектив называли «командой Тимура», – сделав его уникальным по уровню

лётной подготовки. Официально ввел в курс боевой подготовки морских летчиков высший пилотаж ночью, учил их особой науке – «искусству побеждать».

При жизни он стал легендой морской авиации. Так, как он летал, не мог никто – это было от Бога. А боевой поход в Средиземное море на авианосце «Кузнецов» стал звездным часом российских палубных летчиков, во главе которых стоял Тимур Апакидзе. Для своих подчиненных он являлся настоящим командиром, потому что «был лидером не по служебному положению, а по своей внутренней сути», и нынешнее поколение летчиков просто обязано продолжить огромное, имеющее стратегическое значение для России дело своего учителя. Подвижничество – это тяжкий крест, но Тимур нес его всю свою недолгую жизнь с честью и достоинством. Возможно, многим он мешал спокойно жить своей бескомпромиссностью и прямотой, но он всегда шел с открытым забралом, думая о своих подчиненных и о деле, которое было им по-настоящему выстрадано.

Тимур Апакидзе шел в ногу со временем, но иногда он даже опережал эпоху, жил в другом измерении. Поэтому закончить предисловие к этой замечательной книге хочется словами поэта и композитора Константина Фролова, друга Тимура: «Для нас всегда ты будешь первым среди умеющих летать!»...

Александр Кузиванов,
капитан 1 ранга запаса,
выпускник ЛНВМУ 1971 года

Тимур и его небо

Рысью в сердце вцепилась беда,
Земля черной зияет могилой...
Не поверю я никогда,
Что не будет тебя, любимый!
Ночь удушьем сдавила горло,
Я сжимаю руки в бессилье,
А в глазах твоих, как осколок,
Встало небо отчаянной синью.
Непокорство темных кудрей
Я уже не сожму в ладонях,
На распутье слез и скорбей
Мое сердце пусть похоронят.
И лишь только закрою глаза,
Снова вижу: безудержно смело
Мальчик мой, голубая звезда,
Синей птицей врывается в небо!

Эти стихи были написаны мной в 1979 году в городе Острове, когда мы с Тимуром еще не были женаты. И именно в Острове спустя 20 с небольшим лет так страшно оборвалась жизнь самого дорогого для меня человека...

Тогда, в 1979-м, меня потрясла случайность, которая могла оказаться для Тимура роковой: при стрельбе по мишени на малой высоте, на морском полигоне, осколок от выпущенного Тимуром снаряда попал в двигатель его самолета.

За два года до этого в Сиверской, под Ленинградом, погиб самый близкий его друг – Женя Белунов. Я видела, каким ударом это было для Тимура, и, впервые столкнувшись с настоящей трагедией, поняла: чтобы стать достойной женой летчика, надо быть готовой к любым испытаниям, которые могут выпасть на его долю.

Тимур даже в самые страшные моменты жизни ни разу не усомнился – летать ему или нет: он настолько был одержим небом, что стискивал зубы и шел дальше к своей цели. Каждое летное происшествие становилось для него серьезным уроком, который делал его сильнее и увереннее.

А еще ему помогал потрясающий оптимизм и вера в свои силы. Тимур часто подбадривал меня: «Вот увидишь, все будет хорошо!» – и эти слова поддерживали меня на протяжении всей жизни, может быть, потому, что я безоговорочно верила ему.

* * *

Мы познакомились в 1967 году в Ессентуках, в детском санатории, когда нам было по 13 лет; Тимур приехал туда из Ленинграда, я – из Москвы. Тимур не был похож на других мальчишек: с озорными глазами и копной русых кудрей, невысокий, подвижный, веселый и, несмотря на свою бесшабашность, очень аккуратный, он излучал какую-то радость и всегда был душой компании. Девчонки так и бегали за ним, а он, вернувшись в Ленинград, сказал маме: «Я встретил девочку, на которой женюсь!» Поразительно, но именно это и произошло спустя 14 лет.

У Тимура все сбывалось. В 13 лет он сказал мне, что будет летчиком, а я хотела стать учителем литературы, и наши мечты осуществились. Уже тогда я услышала от него: «В нашей стране будет авианосец, и я буду с него летать!» – сбылось и это. Он знал все корабли и самолеты мира, все их технические и летные характеристики. В то время добывать такого рода информацию было непросто, специальные журналы по авиации выходили небольшими тиражами, в основном на иностранных языках, и я помню, как мой папа переводил для Тимура статьи с немецкого и чешского. А книги о морях, справочники по иностранным флотам попадали к Тимурову благодаря дяде, Николаю Марковичу Ильенкову, морскому офицеру. По одному только силуэту самолета или корабля или какой-то их части Тимур мог определить тип судна, принадлежность его какому-либо государству и, что особенно важно, подробно рассказать обо всех его технических возможностях. В этом плане он был ходячей энциклопедией.

Мечта о небе появилась у Тимура в самом раннем детстве, когда он с бабушкой и мамой (после развода родителей) переехал из Тбилиси в Североморск, к дяде Коле. Николай Маркович, заменивший ему отца, очень грамотный, честный, принципиальный человек, стал для Тимура образцом морского офицера.

Как-то совсем маленьким Тимур летел с мамой в самолете ЛИ-2, и командир экипажа посадил его на место второго пилота. Тимур минут 30 держался за ручку управления («бублик», как его называли), а потом спросил у летчика: «Почему вас в кабине двое?» «Это транспортный самолет, – ответил тот, – но есть самолеты, которыми пилот управляет один. Они называются истребителями». «Вот это мне подойдет!» – произнес Тимур.

В шестилетнем возрасте он оказался в Верхней Ваенге на похоронах экипажа разбившегося Ту-16. Именно тогда он окончательно решил, что, когда вырастет, станет летчиком и будет летать вместо тех, кого сейчас хоронят.

В 1962 году, после перевода Николая Марковича, семья попала в Кронштадт, а в 1964-м бабушка и мама с Тимуром переехали в Ленинград. Эти две русские женщины отдавали мальчику всю свою любовь и, хотя достатка в доме никогда не было, старались, чтобы ребенок ни в чем не нуждался. Тимур их просто боготворил, а став взрослым, всегда помогал им и заботился о них.

Бабушка Тимура, Александра Федоровна Ильенкова, была родом из далекой сибирской деревни. По рассказам Тимура, растила его в основном она, так как мама, Марина Марковна, работала – преподавала в школе, да и часто болела. Бабушку Шуру Тимур ласково звал Шуравкой. От этой простой и очень мудрой женщины, великой труженицы, он перенял жизненную стойкость и оптимизм, умение противостоять трудностям и невзгодам, трудолюбие, удивительную неприхотливость в быту и даже веру в народные приметы. Я тоже многому училась у Александры Федоровны.

Наверное, оттого, что Тимур рос в женском окружении, у него сложилось рыцарское отношение ко всем женщинам. Если он шел в какую-нибудь семью, в его руках всегда были цветы и торт для хозяйки дома. В общественном транспорте он не мог позволить себе сесть, какой бы ни был уставший. Иногда в метро я говорила ему: «Тимур, садись, ведь место свободно», – а он отвечал: «Зайдет на следующей станции какая-нибудь женщина, и я все равно встану. Лучше и не садиться». На службе он для каждой сотрудницы находил приветливые слова. А если погибали его товарищи, Тимур, как мог, поддерживал их вдов и детей.

* * *

Мужское воспитание Тимур получил уже в Нахимовском училище. На его решение поступать в морское училище, безусловно, повлиял авторитет Николая Марковича. Отчасти Тимур пошел туда еще и потому, чтобы немного легче стало маме и бабушке.

Одноклассники по училищу вспоминают, что Тимур был самым маленьким в классе, но очень живым, ловким. Поэтому, следуя негласной традиции выпускников-нахимовцев, именно ему выпало начистить нос Петру I на барельефе, расположенном на фронтоне здания. Училище находилось в строительных лесах, и когда Тимур добрался по ним до барельефа, его «застукало» начальство. За это его чуть не исключили, и только благодаря тому, что напарником его в этом рискованном деле был внук адмирала Игорь Терпогосов, он чудом остался в стенах училища.

Среди мальчишек бывали конфликты, доходило и до потасовок, и Тимуру не всегда хватало физической силы постоять за себя. Однажды, доведенный до отчаяния, он подошел к двум верзилам-старшеклассникам и сказал: «Лучше убейте меня, но издеваться над собой я не позволю!» И столько в глазах его было решимости и внутренней силы, что больше его никто не трогал.

Значок Нахимовского училища Тимур никогда не снимал с мундира и с большой теплотой отзывался о своих наставниках и однокашниках. «Я горжусь тем, что окончил Нахимовское училище, там меня закалили, сделали настоящим мужчиной, воином».

Спустя многие годы, после трагической гибели Тимура, его товарищи-нахимовцы, Александр Медведев и Сергей Захаров, на средства, собранные однокашниками, закажут в мастерской Льва Кербеля памятную доску, посвященную Тимуру, и откроют ее в Нахимовском училище. Удивительно, но дух нахимовского братства связал людей навсегда, «куда бы их ни бросила судьбина», где бы они ни служили и чем бы ни занимались!

После окончания Нахимовского следовало поступать в высшее военно-морское учебное заведение, а Тимур мечтал о небе. И он написал письмо Адмиралу Флота Советского Союза С. Горшкову с просьбой, в виде исключения, направить его в летное училище. «Я не предаю Военно-морской флот, я глубоко убежден, что у Советского Союза должны быть авианосцы. После окончания Ейского летного училища вернусь на флот и буду летать с авианосца...» И Главком дал нахимовцу добро. Так две стихии – небо и море – соединились и стали главными в жизни Тимура.

* * *

Тимур притягивал окружающих высокой порядочностью, честностью, и еще он был очень веселым человеком, остроумным рассказчиком и заряжал всех своей энергетикой и жизнелюбием.

Наши встречи в Ленинграде, когда Тимур был сначала нахимовцем, потом курсантом Ейского высшего летного училища, а я – студенткой Московского педагогического института, были просто праздником, наполненным смехом и фейерверком экспромтов и шуток. Мы дружили втроем: с Надей, студенткой медицинского училища, мурманчанкой, познакомились в том же санатории в Эссентуках. Тимур тогда придумал для меня массу забавных и ласковых слов, которые звучали у него как стихи, и повторял их беспрестанно, я же только смеялась в ответ и отвечала остротами. А в последний день, когда Тимур должен был улетать в Ейск и позвонил вечером, чтобы попрощаться, я в трубку повторила все его нежные слова, как заклинание, и адресовала их ему... И совсем поздно, когда мы с Надей уже легли спать и обсуждали минувший день, вдруг в дверь раздался звонок. Мы никого не ждали и оторопели, когда открыли дверь: на пороге стоял Тимур. Он не смог улететь после разговора со мной, сдал билет и вернулся. И это был еще один веселый и незабываемый вечер.

* * *

О своей курсантской жизни Тимур всегда рассказывал с воодушевлением, ведь именно там осуществилась его мечта. С огромным уважением он отзывался о многих своих учителях, а дружба с однокашниками осталась на всю жизнь.

Особенно сильное влияние оказал на Тимура его первый инструктор, Владимир Алексеевич Абрамовский, получивший среди курсантов прозвище «Рэд» за ярко-рыжий цвет волос. Рэд, отличный летчик и добрейшей души человек, был сторонником жесткого обучения и учил ребят не просто летать, а драться в воздухе. Он первым показал Тимуру фигуры пилотажа, которые курсантам знать не полагалось, демонстрировал все боевые возможности Л-29. И уже в училище Тимур освоил боевое маневрирование, косой пилотаж, нестандартные маневры, которым впоследствии обучал своих подчиненных.

Абрамовский жестко готовил новичков к стрессовым ситуациям. Он мог в полете выключить двигатель, отключить основные пилотажно-навигационные приборы и следить за поведением курсанта; учил садиться на дорогу. Впоследствии, к сожалению, его отстранили от инструкторской работы, но он, по словам Тимура, сумел заложить фундамент, научил правильно относиться к летной работе, к небу, к боевой машине. «Многие инструкторы – старшие лейтенанты, капитаны, по сути, сами еще мальчишки, – вспоминал Тимур, – работали с нами в небе от зари до зари, и благодаря им жива наша авиация».

В Ейском училище Тимур летал на Л-29, МиГ-15, МиГ-17 и Су-7. Один раз он чуть не погиб. На Су-7 при посадке допустил ошибку, которая привела к отклонению самолета от оси взлетно-посадочной полосы. Для исправления этого отклонения Тимур, как говорят летчики, «дал ногу», то есть энергичнее, чем требовалось, двинул педалью, управляющей рулем направления, – и самолет вдруг стал на крыло с креном, близким 90 градусов. Тут же он дал ногу на противоположную педаль – и самолет сел нормально. Его тогда даже не ругали – так были напуганы.

* * *

Письма Тимура из летного училища, из Острова, Калининграда проникнуты счастьем: он летает! Наверное, летчики – особые люди, потому что только им открывается красота, не доступная больше никому. Да и отношение к земному существованию из заоблачной выси совсем иное. Тимур не представлял себя без неба, оно было его жизнью. Вот некоторые строчки из писем, которые я могу перечитывать бесконечно:

«Как это говорится: «Не бойся друзей своих – в худшем случае они могут предать; не бойся врагов своих – в худшем случае они могут убить; бойся равнодушных – это по их молчаливому согласию вершатся на земле все беды...» Если я искажил, а точно я и не могу помнить, извини мое невежество. Но только равнодушных я ненавижу! Если бы мог – всех равнодушных передумал! Согласен с тобой, что пусть лучше жизнь будет полосатой, чем серой. Когда мне тяжело было в Батайске, залезал в кабину и, захлопнув фонарь, сидел там часами. А сейчас и в самолет пока не пускают... А в Зернограде на полетах мне ни разу плохо не было – летали! В отпуске сначала было так скучно, не удрал обратно только из-за того, что мама с бабушкой по полгода ждут. Не знал, куда деваться. Вообще, если меня спишут с летной работы, не знаю, что со мной будет. Тогда точно жизнь станет серой». (1974 г.)

«Ребята в училище веселье, да летчикам и нельзя другими быть – и так недолго живут. ... «Болото» у нас тоже есть. «Болотом» мы называем тех, кто не имеет ни своего взгляда на жизнь, ни твердых убеждений «и наших и ваших». А равнодушных, которым все «до лампочки», презираю. Их ничто не интересует, ничто не трогает. У нас есть ребята, с которыми

большинство в бой в паре не пошло бы. Летчикам очень важна взаимовыручка, дружба, а есть такие, с которыми соседями по тумбочке никто не хочет быть, не говоря о том, чтобы лететь вместе на задание. Есть у нас и любители легкой жизни, не приспособленные ни к физическому, ни к умственному труду. Все их способности и ум идут на то, что они обманывают девочек, не только таких, подобных им самим, но и настоящих, делают их несчастными. Есть категории людей, которых нельзя обманывать, иначе они в жизни никому и никогда не поверят больше. А вскружить голову девочке нетрудно, но это не только нечестно, но и подло». (1974 г.)

«В Острове буду еще неопределенное время, если переведут – сразу напишу. Наконец то начали летать (после праздников). Постепенно приобретаю душевное равновесие. Летать все-таки здорово! Все больше радуюсь, что не ошибся в выборе профессии. Страшно подумать, что из-за чего-нибудь спишут с летной работы!» (1978 г.)

«Был у Жени Белунова на могиле; встретили его родители меня как родного; в субботу приехал его брат (с ним я знаком еще с курсантских лет). Подержал в своей руке ручку управления Женькиного истребителя (это все, что от него осталось), еще раз убедился в правильности выбора своей профессии. За высоту, за красоту приходится платить очень дорого, но на место погибших должны вставать другие, иначе наше небо некому будет защищать. И если бы Женьке сейчас довелось воскреснуть всего на полчаса, поверь мне, Цыпленок, он опять бы сел в кабину. Он безумно любил небо!» (1978 г.)

* * *

Многих своих наставников Тимур вспоминал с благодарностью, особенно командующих ВВС Северного флота Георгия Андреевича Кузнецова и Виктора Евтихиевича Ручкова, человека огромной воли, настоящего лидера. А командующего ВВС Балтийского флота Павловского Анатолия Ивановича Тимур без конца цитировал, хотя отношения у них были далеко не простыми, и часто Тимур доставалось от командующего. На Военных Советах Тимур записывал все выступления Павловского в огромную толстую тетрадь и, придя домой, зачитывал мне некоторые его высказывания. Такого талантливого человека, по словам Тимура, он не встречал ни «до», ни «после», ни в армии, ни на «гражданке».

Вот небольшой эпизод, рассказанный Тимуром про учения на Балтике «Братство по оружию – 80»: «На генеральную репетицию наш полк вылетал в сложнейших метеоусловиях. Я был ведущим замыкающей пары с моим бессменным ведомым Сергеем Валдаевым. Отстрелялись очень плохо, а когда вернулись на аэродром, прилетел Павловский. Он настолько мудро построил свое выступление, что через 15 минут, когда он закончил говорить, мы были готовы разорвать эти корабли зубами. На учениях на следующий день я, замыкающий, не мог найти себе цели – все горело, полигон растерзали в клочья. Министр обороны, наблюдавший за учениями, поставил полку оценку «отлично», а каждому ведущему квалификацию «летчик-снайпер». Правда, кроме меня, я только получил 1-й класс».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.